

ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ • КУЛЬТУРА

Японский бог

Храм Ясукуни, Куросава и японский милитаризм

Русско-японская война. Плакаты России. Источник: statehistory.ru

13:59, 4 декабря 2024,

Александр Генис*

ведущий рубрики

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ГЕНИСОМ АЛЕКСАНДРОМ
АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ ИЛИ КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ГЕНИСА АЛЕКСАНДРА
АЛЕКСАНДРОВИЧА.

«Вряд ли где-либо существует страна, обычаи которой представляют более оригинальности и интереса, чем японские. Здесь вы на каждом шагу наталкиваетесь на что-то небывалое и немыслимое у нас; каждая мелочь говорит вам, что тут люди шли совершенно не тем путем, как мы, и что история привела их и нас далеко не к тем же результатам».

Н. Бартошевский. «Япония. Очерки из записок путешественника вокруг света», 1868

1.

На четвертый раз я уже насмотрелся на чайную церемонию, налюбовался сакурой, сходил на борьбу сумо, оглядел школьниц, одетых в кукольные наряды в токийском районе Харадзюкэ, и посетил национальный музей дважды.

Теперь я хотел жареного, и мне удалось уговорить милейшую переводчицу отвести меня туда, куда японцы очень не хотят пускать иностранцев. Проблема в том, что в храме Ясукуни поклоняются солдатам, павшим в войнах имперской Японии. Согласно теологии синто, в других храмах живут боги-ками, но в этом богами стали души убитых воинов. Среди них есть военные преступники, казненные по приговору Токийского суда.

— Это все равно, — говорят жертвы войны, — что объявить святым Геринга.

Не удивительно, что японцы не водят в Ясукуни иностранцев. Во всяком случае, я был в тот день единственным. Остальную публику составляли дряхлые старики, которые пришли помянуть соратников. На меня они смотрели с вызовом и с такой неприязнью, что я попросил перевести, что тут обо мне говорят.

— Глупости, — сказала покрасневшая переводчица.

Но когда я принялся настаивать, она объяснила, что ветераны приняли меня за американца, которому нечего делать в их храме. Ситуация разрядилась, когда выяснилось, что в Японии я все же скорее русский, чем американец.

— Янки такие самоуверенные, — оправдывала ветеранов переводчица, — а над русскими — аура страдания, особенно у пьяных.

Я не стал спорить и принялся осматривать пристроенный к храму военный музей.

Храм Ясукуни. Фото: yasukuni.or

2.

Если судить по размерам экспозиции, главной войной в истории Японии была война 1904–1905 годов, или Русская, как ее тут называют. Она считалась центральным и неоспоримым триумфом нации. Любовно выстроенную экспозицию украшали мемориальные объекты, включая медали, отлитые из захваченных пушек, а также карты, схемы, фотографии и батальная живопись. На картинах лучше всех выглядели японские герои с белыми лицами. В этом чувствовался вызов стереотипу. В те годы принято было считать, что под желтой кожей у японцев бьется белое сердце, а у русских наоборот.

Недавно открывшие западную историю и завидовавшие ей японцы считали себя спартанцами и афинянами сразу. Тогда и появился миф о непобедимости Японии, который привел к

катастрофам Перл-Харбора и Хиросимы.

Каждый день войны с русскими стоил 500 тысяч долларов. На расходы за два дня сражений можно было построить университет, а их в Японии было два: в Токио и в Киото. Но считать было некому — японцам было не до того:

«Потоки визуальной пропаганды, включая ксилографии и все более распространявшуюся фотографию, не отставали от военных событий и поддерживали патриотические настроения. Фоторепортажи с войны массово распространялись газетами и журналами, а также в виде новостных кинохроник. Патриотически настроенные граждане скупали десятки миллионов открыток на военную тематику. Изображения войны появлялись не только в печати, но также на веерах, тортах, фонарях, тканях, игрушках и других вещах. Писатель Лафкадио Хёрн удивлялся, что даже на шелковых платяницах маленьких девочек могли появиться сцены морских сражений, горящие броненосцы и миноносцы».

Справедливости ради, надо сказать, что в России национализм тоже стал популярен, хотя и не всюду. Были и те, кто кричал «да здравствует Япония». Существовало движение гимназистов против войны. Ее, как всем известно, резко осудил Лев Толстой.

И тем не менее нашлось немало интеллигентных людей, которые говорили и писали нечеловеческие глупости. Так, Валерий Брюсов, возможно, самый образованный автор в России, который читал на память любые стихи в оригинале,

высказался по этому поводу прозой:

«Ах, война. Наши бедствия выводят меня из себя, давно пора бомбардировать Токио. Я люблю японское искусство, я с детства мечтаю увидеть эти причудливые японские храмы, музеи. Но пусть русские ядра дробят эти храмы, эти музеи и самих художников, если они там еще существуют. Пусть вся Япония обратится в мертвую Элладу, в руины лучшего и великого прошлого. Я за варваров, я за гуннов, я за русских. Россия должна владычествовать на Дальнем Востоке. Великий океан — наше озеро».

3.

Русско-японская война была основополагающим событием в международной истории XX века. Впервые Восток победил Запад. В терминах того времени это означало, что желтая раса отомстила белой. Или, как сказали бы мы, Третий мир победил Первый. Россия, входившая в концерт великих европейских держав, проиграла войну дикой стране, которая всего за поколение до войны не видела паровоза и не знала телеграфа. Не удивительно, что поначалу русские не видели в Японии опасного соперника. Незадолго до начала войны генерал Иосиф Иванович Мрозовский писал в частном письме про японцев: «Ну как можно с ними воевать? Карлики какие-то, нам стыдно с ними воевать. Они подохнут от изнеможения».

И вот результаты войны с «карликами»: потери России составили 400 тысяч убитыми, ранеными и больными. Потери Японии — около 135 тысяч солдат и офицеров. Во время взятия Порт-Артура было захвачено 30 тысяч пленных русских.

Японцы, кстати сказать, очень беспокоились о них, потому что не хотели показаться варварами и старались предстать перед Западом цивилизованным народом. Поэтому

в войну в стране тщательно охранялись православные церкви. Что же касается русских пленных, то им разрешили посещать бани, театры и даже публичные дома.

Японских пленных, как и во всех последующих войнах, было очень мало: всего две тысячи. Когда я был студентом, то, как положено будущим филологам, попал на фольклорную

практику в деревню Медведь Новгородской области. Именно там оказались многие японские военнопленные. В этой деревне все еще было немало людей с азиатской внешностью. Там даже есть особое кладбище. До недавних пор в Медведь приезжали японцы, чтобы ухаживать за могилами и помогать деревне.

Так даже я успел коснуться наследия Русско-японской войны.

Фото: Zuma \ TASS

4.

Победа над Россией в Японии служила отправной точкой, с которой начался путь к славе и в пропасть. Заразив страну безмерным энтузиазмом, Русско-японская война привела к тому кошмару, который именуется «милитаризмом» и который в Азии играл ту же роль, что в Европе фашизм.

Единственная небелая страна, которая НЕ стала жертвой западных империй, Япония мечтала сравняться с ними. Путь к

этой цели лежал в завоевании собственных колоний. Жизнью руководил двусмысленный лозунг: стать Западом, оставшись Востоком. Противоречие заключалось в том, что, настаивая на своей самобытности и уникальности, японцы жили с оглядкой на Запад.

Эту странную черту национального сознания подробно описала американский антрополог Рут Бенедикт. Она помогла соотечественникам понять, кого они победили в войне на Тихом океане, и посоветовала, как поступать с побежденными. Ее беспрецедентно важная книга «Хризантема и меч» расшифровывала культурные коды японцев. (Другой американский ученый, Джеймс Биллингтон, переименовал это название для лучшей книги о России — «Икона и топор».)

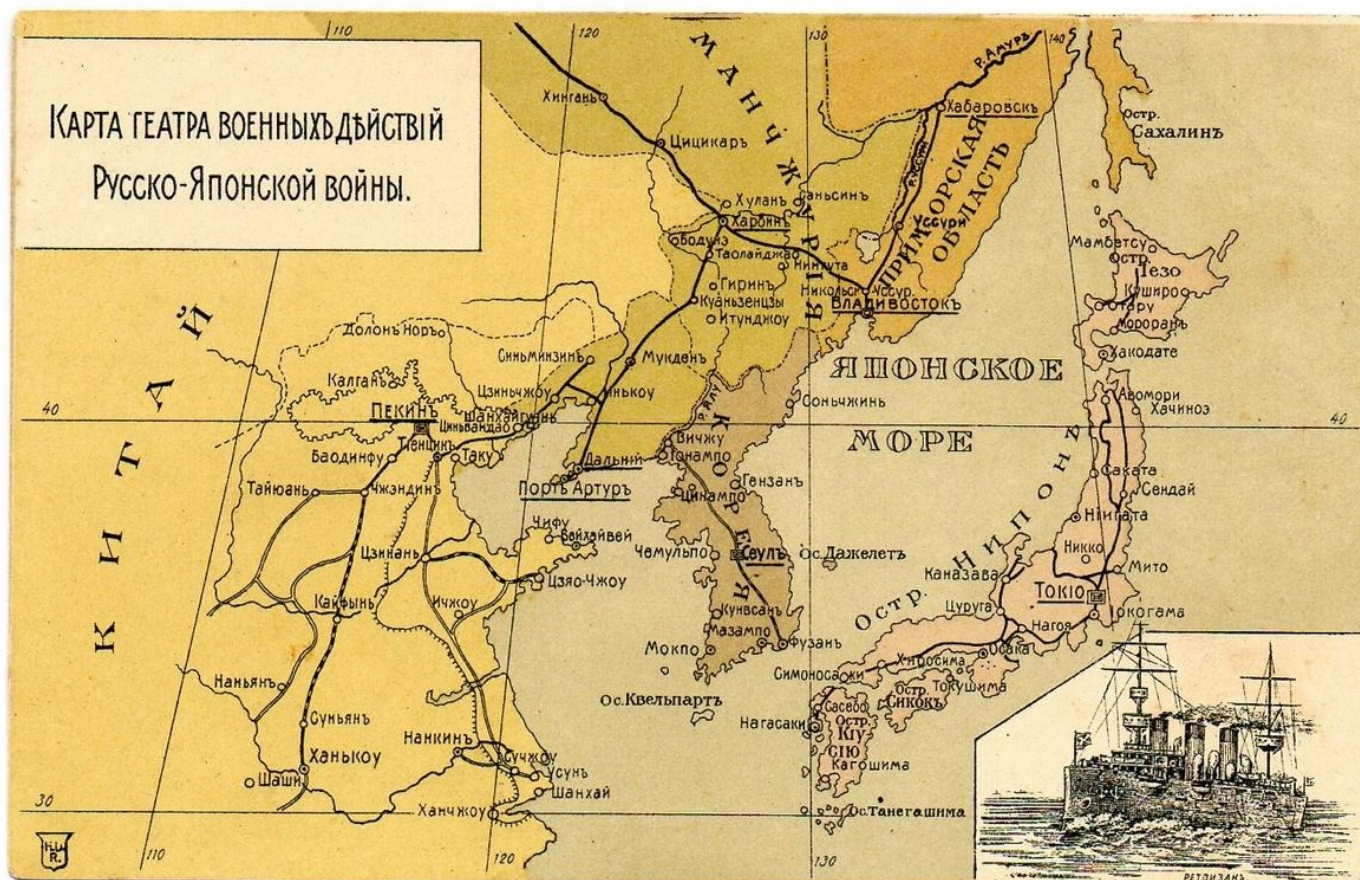
Рут Бенедикт писала, что, несмотря на исключительно высокое самомнение, воюющая Япония чувствовала себя крайне уязвимой перед лицом иностранцев и больше всего боялась их осуждения.

«Японцы беспрестанно твердили о том, что «глаза всего мира устремлены на них». Поэтому им следует в полной мере показать миру Дух Японии».

В своей книге Бенедикт приводит характерный документ. Японские военные власти приказывали посадить всех моряков с подбитого корабля в спасательные шлюпки, иначе «весь мир будет смеяться над вами. Американцы снимут фильмы о вас и покажут их в Нью-Йорке».

Этот национальный невроз напоминал тот, который маркиз де Кюстин приписывал николаевской России: «комплекс

неполноценности порождает у русских комплекс превосходства».

Карта театра военных действий русско-японской войны. Почтовая открытка

5.

В геополитическом сознании того времени колонии были первым признаком цивилизации. Поделиться ею с отсталыми народами было долгом и задачей всех империй. Чтобы стать вровень с ними, Япония считала себя обязанной цивилизовать не только себя, но и своих соседей — «надеть намордник порядка на хаос дикости».

В тогдашней беллетристике постоянно встречался такой архетипический сюжет. Юная китайская крестьянка, чистая и обаятельная в своей безыскусной простоте, влюбляется в строгого, но справедливого японского офицера, еще лучше инженера в колониальных войсках. Их брак становится счастливым примером союза двух наций, процветающих под

разумной властью одной, которой радостно подчиняется другая.

Так Япония проповедовала паназиатский расовый идеализм и ставила перед собой задачу освободить желтых братьев от насилия белых империалистов.

В этих терминах оккупация Кореи, например, трактовалась как возвращение в семью блудного сына (сестры):

«Форсированная ассимиляция сопровождалась усилением дискурса о «похожести» корейцев и японцев — об общих предках и общих языковых корнях, который выражался в официальном лозунге «Япония и Корея — одно тело» («Найсэн иттай»). Утверждалось, что корейцы неотличимы от японцев по антропологическим признакам — строению и размерам тела и черепа и их соотношению».

Ничего этого я не знал, из-за чего попал впросак на встрече в Токийском университете.

— Вы отличаете нас от корейцев? — спросила меня японская студентка.

— Конечно! — с наигранной уверенностью наврал я, чтобы хозяева не подумали, что для нас все азиаты выглядят одинаково.

— А мы — нет, — удивилась девушка и тут же добавила: — Но японцы и европейцев не различают, поэтому в стране не было антисемитизма — все белые на одно лицо.

Завладев колониями, Япония еще не очень знала, что с ними делать. Захваченный Тайвань, который сегодня стал одним из отличников прогресса, казался мало к чему пригодным: «В 1897 году японский парламент обсуждал вопрос продажи Тайваня Франции».

Утратившие остров китайцы тогда тоже не слишком переживали:

«Государственный деятель по имени Ли Хунчжан пренебрежительно отнесся к передаче Тайваня Японии, заявив цинской императрице Цыси, что «на острове Тайвань не поют птицы, а цветы не пахнут. Мужчины и женщины не внемлют ни долгу, ни страсти».

6.

Сперва Европа, подыгрывая японцам, принимала их в свой привилегированный клуб. Когда наш Гарин-Михайловский в конце XIX века отправился в кругосветное путешествие, то, добравшись до Тихого океана, обнаружил, что на английском пароходе китайцев кормили с матросами, а японцев — с пассажирами.

Упиваясь успехами, японцы поверили в свою исключительность. Их «лишней хромосомой» стало происхождение.

Япония выделялась из всех стран мира, потому что ее создали боги, один из которых —

император. Так подлинной религией японцев всех классов стал экзальтированный до пародии патриотизм.

В Японии отмечают 70-ю годовщину капитуляции во Второй мировой войне. Фото: Zuma \ TASS

Мисима, лучший, как многие считают, автор послевоенной Японии, написал на эту тему знаменитый рассказ, который так и называется — «Патриотизм» (*по-русски он известен в замечательном переводе Г. Чхартишвили**). В нем подробно и с восторгом описывается традиционный обряд самоубийства супружеской четы, которая приносит себя в жертву родине и императору. Но еще до харакири мирный быт этой семьи Мисима описывает так, что рассказ кажется списанным у Сорокина:

«В гостиной первого этажа, на алтаре, стояла фотография императорской фамилии, и каждое утро, перед тем как поручик отправлялся на службу, молодые низко кланялись портрету».

В этом рассказе действие происходит в 1936 году, за тридцать лет до того, как он был написан. Но вот фрагмент лучшего эссе о Японии «Похвала тени» (1934) классика предыдущего поколения Танидзаки, которое он написал в эпоху формирования милитаристской идеологии:

«Если бы у нас были собственные физика и химия, то развитие техники и промышленности, основанных на них, возможно, пошло бы совсем иным путем, в повседневном употреблении появились бы машины, химикалии, технические изделия и пр., более отвечающие нашим национальным особенностям».

При всей утонченной изысканности автора, создавшего из культуры своей страны эстетическую утопию, в его идее сугубо национальной науки и техники узнаются черты нацистской борьбы с еврейской физикой и сталинской войны с космополитизмом.

О том, что это заболевание было не повсеместно, говорит рассказ моего любимого Акутагавы «Генерал». Его герой — легендарный военачальник Ноги, взявший ценой колоссальных потерь Порт-Артур во время Русско-японской

войны. Но сперва мы встречаем его солдат, беседующих накануне боя:

«— Да, все мы готовы отдать жизнь за родину.

— За что, не знаю, знаю только, что готов отдать».

Акутагава комментирует:

«Этим настроениям способствовали, во-первых, сила японского духа — «яматодамасий» и, во-вторых, сила водки».

Чуть позже мы видим и слышим победителя:

«Увидев труп товарища, солдат поставил ему на грудь ногу и вдруг громко захохотал. Этот хохот в свирепом треске ружейного огня прозвучал жутко.

— Банзай! Да здравствует Япония! Черти сдаются! Противник разбит! Да здравствует N-ский полк! Банзай! Банзай!

Он кричал и кричал, потрясая винтовкой, и не обратил внимания даже на взрыв ручной гранаты, расколовшей мрак перед его глазами. При свете взрыва обнаружилось, что это рядовой Хорио, который в разгар атаки, раненный в голову, видимо, сошел с ума».

И наконец появляется сам генерал, при виде которого рассказчик переходит на язык западного скепсиса:

«В голове у него все время звучали слова некогда любимого писателя Стендаля: «Когда я смотрю на увешанного орденами человека, я не могу не думать о том, какие жестокости пришлось ему совершить, чтобы добыть эти ордена».

7.

В музее Ясукани висит огромная карта военных сражений. Как всюду, своя страна на ней занимает центральное место. Но и при этом в глаза бросается несопоставимость противников.

— Что мы имели в виду?! — ахнула моя переводчица, глядя на карту. — Япония — такая крохотная по сравнению с огромной Америкой.

Отвечая на этот вопрос, Рут Бенедикт объяснила официальную позицию милитаристского правительства, начавшего войну. Грандиозное преимущество американских ресурсов никак не отменяло перспективу победы, потому что она не зависит от материальных преимуществ:

«Корабли и пушки считались лишь внешней демонстрацией нетленного Японского Духа. Они служили символами точно так же, как и меч самурая

был символом его достоинства».

О том, как пестуют этот самый дух, рассказывает маскульт того времени. Мне повезло о нем судить по устроенной Японским центром Нью-Йорка выставке довоенного быта, которую можно считать обзорным уроком по модернизации страны.

Красноречивее всех о переменах говорят и проговариваются мелочи: мода, утварь, антураж, устройство дома — и атмосфера внутри него и снаружи.

Между двумя мировыми войнами Япония ринулась догонять своего главного соперника, которого ненавидела и которому завидовала в равной степени. Америку японцы представляли себе в основном по Голливуду. Об этом можно судить по нарядам. Элегантные кимоно, но вместо хризантем и Фудзиямы на бесценных шелках вытканы звезды американского немого кино и герои отечественных самурайских фильмов. Это все равно как ходить в сарафанах с портретом Брэда Питта и косоворотках с профилем Никиты Михалкова.

Привычка носить самое дорогое на себе сказала на всех деталях непростого японского костюма. Широкие пояса-оби изображали высшие достижения тогдашней цивилизации: немецкие дирижабли и нью-йоркские небоскребы, а также сюжеты Берлинской олимпиады 1936 года.

Западный спорт, столь непохожий на национальные виды, захватил тогда Японию. Отсюда — статуэтки футболистов. Однако на медалях, изображающих атлетов, стоит не 1936-й, а 2596 год — считая от основания Японии.

По всему видно, как страна, одержимая национальной идеей, искала компромисс между космополитическим стилем и традицией, причудливо перемешивая их в быту и в обороне.

О последней свидетельствует милитаристский мотив — журавли, которые упоминались в названиях всех японских авианосцев. О первом можно судить по популярной марке сигарет «Сияние», пачки которых украшало восходящее над молодой империей солнце.

Державной идеологии противостояли конкурирующие ценности: секс и мода. Японка с рекламных плакатов смешлива, с короткой стрижкой и дерзким взглядом. Она напомнила мне рабфаковку, но в кимоно. Впрочем, тогда его носили с туфлями на шпильках. Уровень эклектики такой же, как у джина с квасом или текилы с рассольником.

Когда прогресс зашел дальше, реклама показала японских див на лыжах, под парусом или за стойкой бара. Сменив кимоно на платья, они демонстрировали особый изыск уже чисто западного наряда: застежку-молнию (в старой Японии и пуговиц-то не было). Другой чертой, которая, по мнению рекламного художника, делала женщину современной и желанной, была сигарета. Она намекала на роскошную жизнь недоступного и желанного Запада. У японцев он назывался «Фурорида» и помещался, как легко догадаться, во Флориде. Судя по рекламе, в этом краю жили одинокие красавицы, всегда сидевшие за коктейлем и обмахивавшиеся веером (уступка цензуре) с восходящим солнцем.

Фото: Цветение сакуры в Токио. Фото: Игорь Беляев / ТАСС

Рут Бенедикт замечает, что в европейском костюме японки идут рядом с мужчиной, а в кимоно держатся позади него. Я проверил это на себе. Когда мы с женой нарядились для фотографа в традиционные костюмы. Выяснилось, что я широко шагаю, придерживая рукой меч, а она в тесно запахнутом кимоно и деревянных сандалиях может только семенить, утыкаясь мне в спину.

Для живых, а не рекламных японок существовал реальный, но тоже нелепый мир домашнего уюта, который изрядно портила западная мода. В японском доме, где тогда еще спали на татами, появилась западная гостиная с европейской мебелью и непременно пианино. Толку от этого было мало, потому что сидеть на стульях или за роялем мало кто умел. Мучения и расходы окупал престиж.

Интересно, что теперь ситуация развернулась. Японцы живут в обычных домах, но для заграничных гостей вроде меня держат

устланную циновками комнату, где мне пришлось ночевать с веткой сакуры в красном углу-токонома. Я бы предпочел кровать.

8.

Компромиссы между Востоком и Западом в вопросах обихода закончились в день Перл-Харбора, когда патриотизм дошел до ручки и отравил всех.

В массовой печати требовали отказаться от изучения английского языка и литературы, уничтожить музыку врага и «всем сердцем наслаждаться чистыми звуками Ямато». Под раздачу попали и бытовая техника, навязывавшая западный образ жизни, как то: фонографы, холодильники и швейные машинки. Молодые офицеры-националисты устроили заговор с целью убить гостившего в их стране Чарли Чаплина, но в намеченный день он отправился смотреть борьбу сумо, что спасло ему жизнь.

Ожидая от врага такой же нетерпимости, пресса писала, что в Вашингтоне вырубili все вишни. На самом деле их никто не тронул, и я часто езжу в столицу на цветение сакуры.

Празднуя первую победу над Америкой, газеты изъяснялись, как старые дамы. Все лили «слезы благодарности», испытывая «глубочайшую радость от освежения всех чувств».

Особенно старались писатели. Независимо от довоенных убеждений, они не могли сдержать победоносного экстаза и делились им с читателями, пребывающими в тотальной эйфории.

Переводчик, а не только фантаст Аркадий Стругацкий писал, не скрывая ужаса, о том, как после первых военных побед, еще в начале XX века, государство потребовало от авторов сочинять в жанре «лучезарного» национализма. Теперь другой литературы

просто не было. Журнал «Мир» сформулировал знакомый тезис:

«Каждый автор сражается на передовой идейной борьбы, ибо он сперва японец, а уж потом писатель».

Молчание тоже считалось сомнительным выходом. За него вроде бы не сажали, но могли — в рамках практики «превентивного заключения».

С каждым днем градус пропаганды повышался. Ведь война, утверждали газеты, идет не только с Америкой, а между белой и желтой расой. Последняя должна превозмочь противника, ибо, утверждал ведущий писатель той поры, «боги уже встали в ряды имперской армии, сделав ее непобедимой».

Тот же автор, Хино Ашихэи, писал то же о сражениях с американцами уже в стихах, сильно напоминающих последние опусы Юнны Мориц, но без рифмы:

*В эти дни
на коралловом рифе в Тихом океане
наши защитники борются
с отвратными, уродливыми врагами.*

*Волосатые дикари с раздвоенными носами
тонут и гниют
в экваториальных водах.*

Сейчас жестокий и упрямый враг,

*тяжело пыхтя,
приближается, угрожая Земле Богов*

Даже в комическом театре Кёогэн разыгрывались батальные сюжеты. Так, в чрезвычайно популярном спектакле «Остров сокровищ» на сцену выходили американский дьявол Эйки и английский демон Бэйки.

Нечто подобное я видел в Белграде времен югославских войн, когда Милорад Павич меня пригласил на премьеру спектакля по его «Хазарскому словарю». На арене, засыпанной символизирующим время песком, метались кони, люди и некто с рогами. Он играл черта, говорил по-английски и приехал из Америки. В антракте мы подружились. Он не понимал по-сербски, но этого и не требовалось: зрители шикали и свистели, радуясь посрамлению дьявола-янки.

9.

Как любая тоталитарная страна, воюющая Япония важнейшим искусством считала кино. Сейчас его непросто найти. После войны японцы постарались забыть все, что их увлекало во время нее. За одним важным исключением.

Гений авторского кино, великий мастер самурайских боевиков и фильмов нравственных дилемм Акира Куросава вместе с другими художниками кисти и камеры, снимал пропагандистское кино, которого от него требовали эпоха и власти.

Его первый успешный фильм был сравнительно безобиден — это была «**Легенда о великом мастере дзюдо**» (1943). Действие переносило зрителя в мирное время — конец XIX века, и ничего,

на наш взгляд, крамольного в этой ленте не было.

Кадр из фильма «Легенда о великом мастере дзюдо»

Не всем критикам это понравилось. И, развивая тему, режиссер снял продолжение фильма (1945), куда вставил актуальный в самом конце войны эпизод: герой-дзюдоист дерется с лучшим американским боксером. Самоуверенный белокожий гигант в обычной жизни крушит кирпичи и гнет железо, но на ринге он не успевает размахнуться, как соперник бросает его на пол.

Дальше — ключевой момент. С трудом поднявшись на ноги, американец смотрит на несокрушимого, как скала, соперника, и тот, не дотрагиваясь до боксера, одним взглядом, в котором сосредоточен волевой импульс могучей традиции, отправляет боксера в вечный нокаут. Смысл эпизода очевиден.

Чем хуже шли дела на фронте, тем более оголтелой становилась пропаганда. Ввиду неизбежного поражения, она выдвигала один

последний аргумент: вся надежда на Японский Дух, который сокрушит материалистов Запада.

Куросава по-своему участвовал в этой нелепости, и зря. Картину выпустили в прокат лишь через несколько лет после войны.

Зато в разгар ее вышла наиболее одиозная работа режиссера «Самые красивые» (1943). Критики, пытаясь сказать о ней хоть что-то хорошее, указывают на заимствования из Эйзенштейна и Дзиги Вертова. Но куда больше там от производственного жанра сталинского искусства, без затей перенесенного на японский экран.

Будни провинциальной фабрики, изготавливающей оптические приборы для армии. Мужское начальство вдвое увеличивает норму, но, учитывая слабость женского пола, работницам разрешают ее ополовинить. Девушки волнуются, цех бурлит, конфликт назревает. Наконец озабоченный директор выясняет, в чем дело. Оказывается, девушек возмущает гендерная квота и они требуют ее повысить до двух третей от мужской.

Дальше все в таком же духе. Девушки ходят в бесформенных мужских комбинезонах, грубых башмаках и только строем. По пути на работу и обратно они поют хором патриотические песни, и их лица светятся счастьем.

Куросава стыдился этой картины, но и называл ее своей любимой: режиссер женился на актрисе, играющей главную роль, если такую можно было вычленить в этом продукте японского социалистического реализма.

На самом деле, лучше всех о войне рассказывает мультфильм, признанный экспертами главным шедевром анимационного кино всего мира.

Это фильм «Могила светлячков» (1988), снятый [Исао Такахата](#) на студии «Гибли», ставшей легендарной благодаря гению Миядзаки. Но от его мультфильмов эту картину отличает черная безнадежность.

Кадр из фильма «Могила светлячков»

Я не стану смотреть «Светлячков» во второй раз, потому что мне и первого хватило, чтобы заплакать. Картина рассказывает историю мальчика и его совсем маленькой сестренки, которые, оставшись одни, пытаются выжить в разрушенной войной стране.

У мальчика еще есть надежда, что Япония победит и отец вернется с фронта. Девочка просто голодна, но есть нечего, и оба умирают сразу после поражения своей страны.

Я поделился ужасом со своей японской приятельницей, сказав,

что нельзя показывать детям такой кошмар.

— Но у нас нет другого выхода, — не поняла она, — ведь все так и было.

Она, конечно, права, и «Могилу светлячков» надо было бы показывать в каждой школе. В Японии, кажется, так и делают.

10.

Между первым и вторым атомными ударами Советский Союз объявил войну Японии, и та предпочла сдаться американцам, а не коммунистам. Главным препятствием стала судьба императора.

Моя переводчица, служившая мне Вергилием в путешествии по японскому аду, придерживалась крайне пацифистских взглядов. Достаточно сказать, что она мне как русскому пыталась всучить спорные Курильские острова, говоря, что там все равно до войны никто не жил. Так же решительно она говорила про Хирохито.

— Он был виновен во всех этих несчастьях, — сурово решила она, — и заслуживал казни. И тут же добавила: — Конечно, без императора японцы не смогли бы выжить.

Примерно таких взглядов придерживался победоносный генерал Макартур:

«Обвинительный приговор императору приведет японское общество к глубочайшему эмоциональному потрясению... Хирохито является объединяющим символом нации, без него данная этническая общность

распадется... Развитие событий по такому сценарию закончится отправкой сюда для поддержания порядка миллиона солдат — на неопределенный срок».

Макартура послушали, императора не тронули, и он пригодился для того, чтобы признать милитаризм ошибкой и направить страну к не менее высоким целям: «Действуя в полном согласии с волей императора, мы создадим самую передовую в мире науку и культуру».

Но еще до капитуляции патриотический японский дух, тот самый, что должен был защитить землю богов от бездуховных янки, испарился на глазах измученных войной японцев:

«В докладах на имя лорда-хранителя печати губернаторы префектур сообщали о пилотах-камикадзе, которые нагружали свои самолеты продовольствием и угоняли их в родные деревни. Очень скоро человек в военной форме начал вызывать у прохожих чувство презрения и снисходительной жалости».

Верующие кланяются в храме Ясукуни в Токио. Фото: AP

Япония почти без эксцессов развернулась и принялась строить совсем другую сверхдержаву. Рут Бенедикт объяснила этот феномен ментальностью японцев:

«Они направили свою энергию в другое русло, ибо японцы владеют этикой альтернатив. Они пытались занять свое «должное место» в войне и потерпели поражение. Теперь они могут отказаться от этого курса, потому что весь предыдущий опыт выработал у них умение менять направление».

Об успехе этого переворота можно судить по тому, как Япония вновь напугала Америку в 1980-е, когда на бывшего врага

обрушилась волна японской электроники, а главное — надежных и недорогих «Ниссанов» и «Тойот».

«Скоро, — угрожали нью-йоркские газеты, — на месте рождественской елки в Рокфеллер-центре будет стоять карликовая сосна-бонсай».

До этого не дошло. Но, приехав в Америку в конце 1970-х, мы — мой отец, брат и я — купили себе по американскому автомобилю. В конце 1980-х все мы сменили их на японские машины.

Однажды у нас на обеде я рассказал об этом чете пожилых профессоров из Саппоро. Мои гости молча встали и поклонились.

Нью-Йорк, ноябрь 2024

* Внесен властями РФ в реестр «иноагентов».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Испанская грусть](#)

Между дубом и плющом

16:07, 21 октября 2024, Александр Генис*